

Пролог

Александр

*В Таррванийском краю, где звезды
трепецуют, как пламя свечи,
Два дракона схлестнулись в предрассветной ночи.
Смерть — это ветер, ледяной и немой,
Жизнь — это солнце с его теплотой.*

*В их вечном полете, в их древнем бою
Нет света без тьмы, нет конца бытию.
В их крыльях — весь мир, в их глазах — пустота,
Они — два начала, они — высота.*

Осколок народной песни

Траурной завесой ложился на землю утренний туман — серый, последние сорок дней словно вбиривший в себя всю боль нескончаемо горевших костров.

Бесшумно покачивалась возле алтаря трава, приласканная легким весенним ветром, упрямо шелестели волны Бескрайнего океана, разбиваясь далеко внизу, у последней ступеньки к причалу.

Пронзительно закричала сорга, хищная птица, кружащая там, где сеют смерть.

Я сморгнул пот, не смея пошевелиться. Король внимательно наблюдал за нами, а Великая мать ободряюще кивнула. Ее тяжелые серьги зазвенели колокольчиками.

Жрецы в белых одеяниях подносили чашу за чашей и неспешно выливали собранную кровь на угли, прихотливым узором тлеющие в каменной лапе. Прошение возносилось, окутывая шипением плотоядно скалящуюся морду синего истукана.

Драконий жрец, стоявший перед нами, тонким голосом тянул песнь жизни и кланялся, кланялся, кланялся...

Я искоса бросил взгляд налево, к куче обескровленных тел, каждое из которых омоют, расчленият и отдадут в пользование некромантам. А затем посмотрел на богодракона. Янтарное пламя полыхало в его глазах, выдавая голод.

Не умилиствовали.

Я сжал дрожащую руку сестры. Улыбка коснулась ее губ, легкая, как крыло бабочки, и тут же испуганно вспорхнула, когда жрецы подвели к алтарю обнаженную Лессу — верноподданную королевства Корс и любимую служанку сестры.

Двое жрецов с почтением подали белокурой деве церемониальный нож.

Аниса сжала губы и не отвела взгляд. Она знала, что ни одна из послушниц не ступила бы на последний путь без благословения Великой матери.

Жертва должна быть добровольной.

Радостно вскрикнув, Лесса воткнула сталь в сердце. Брызнула кровь, багрянцем стекая по прекрасным изгибам тела, багрянцем окропляя белоснежные одеяния Драконьего жреца.

Лесса воздела руки и упала, бездыханная, в его объятия. Он подхватил тело и воскликнул:

— Прими смерть, Хетт! Сотвори жизнь, Кеол!

Жрец выдернул нож из ее груди, полоснул Лессу уже по горлу. И бросил тело под ноги Хетта.

Истукан издал нетерпеливый гул. Ветер всколыхнул туман, разрывая завесу, и теплые лучи солнца выхватили богодракона, чей облик медленно менялся.

Все склонили головы в благоговейном ужасе. Я и Аниса — нет. Королевская кровь обязывала смотреть и не отводить взгляд. Смотреть и не думать. Смотреть и запоминать.

Колокольчиками одобрительно зазвенели серьги...

Синева пропала — белоснежная чешуя покрыла тело, янтарь потух — изумруды засияли на месте глаз.

Хетт насытился, Кеол вновь свободен. Цикл за циклом...

Аниса с силой сжала мою руку и произнесла:

— Кеол ведет нас к новой жизни — Хетт стоит тенью подле него. Кеол отворяет врата — Хетт подносит ключи. Кеол спит — Хетт охраняет покой его. Неразрывна их связь.

— Неразрывна их связь так же, как и наша, — подхватил я торжественную речь Анисы. — Один сидит на троне, другой же — в тени его. Один ведет к жизни. Другой же — смерть. Отныне и навек.

— Отныне и навек, — хором произнесли служители богодракона.

Я улыбнулся, когда жрец поднес золотую чашу. Мы по очереди испили из нее: Аниса — неспешно, не пролив и капли, я же — жадно и нетерпеливо.

Металлический привкус обжег язык. Я медленно прикрыл веки и запяtnал источник дитто, призвав силу темную и древнюю...

Далеко от берега, в подземелье, которого не касался и крохотный луч света, зашевелилась тьма. Хлестнула хвостом, потягиваясь, зевнула, обнажая острые клыки. А затем вспыхнули два ярких янтарно-желтых глаза.

Дракон утробно зарычал.

Выдохнув, я крепче сжал ладонь сестры, и мы подняли руки над головами. Звякнули браслеты, щедро нанизанные

на кисти. Ветер всколыхнул полы белого церемониального платья, которое Аниса возненавидела с первого же мгновения, и парусом надул шелковую рубашку на моей липкой от пота спине.

Солнце поднималось все выше, отбирая наши тени.

Король встал с каменного трона.

— Таррвания ждет вас. Идите, дети мои, и уничтожьте богопротивную династию Фуркаго. Ради Кеола и Хетта. Мир вернется вместе с величием семьи Корс.

Хор радостных голосов вторил отцу.

Корабль ждал нас внизу, у ступеней, ведущих в новую жизнь. Слуги осторожно внесли на палубу сундуки, в которых покоились четыре яйца.

Когда туман поглотил берег, я начал ожесточенно тереть губы. Аниса закашлялась и быстро наклонилась за борт.

Ее обильно вырвало. Я, придерживая сестру за талию, чувствовал, как гнев янтарными нитями, капля за каплей, наполняет источник.

Аниса резко подняла голову и вытерла губы. Затем взглянула на испачканную в крови руку и с ненавистью вцепилась в борт. Слезы текли по щекам сестры, пока она шептала:

— Лесса... малышка Лесса...

Служанка была простой смертной, не дитто. Но все в королевстве Корс служили Кеолу. А теперь и Хетту.

Я мягко обнял Анису, прижал к груди и ласково прошептал:

— Не бойся, сестра. Все будет хорошо.

Она вздрогнула и обняла меня в ответ.

Я гладил ее по волосам, думая об отце, растившем нас ради одной-единственной цели, о Великой матери, жрице, рьяно поклоняющейся Кеолу и обретенному Хетту...

О судьбе, которую в проклятом королевстве решили за нас.

Я посмотрел на небо — две луны призрачными мазками зависли над самым горизонтом, почти касаясь края безупречно голубой воды. Палящее солнце близилось к зениту.

По моей шее скользнула едкая капля пота.

Я натянул нить, связывающую меня с драконом в подземелье. До болезненного укола в груди, до пляшущих точек в глазах. Невидимым обручем стянуло виски, когда я напряг волю. Сердце лихорадочно билось от страха: что, если?..

Сестра всхлипнула еще раз, и я выдохнул, отдавая приказ.

«Один сидит на троне, другой же — в тени его. Один ведет к жизни. Другой же — смерть. Отныне и навек».

Глава 1

Блисс

Мой друг, я сижу здесь, в тени пламени, которое греет и никогда не угасает, среди каменных стен, расписанных величием крылатых гигантов. Где-то рядом раздаются голоса тех, кто зовет себя моими сородичами. Но все это — ничто. Пустота, которая звенит в моем сердце, где когда-то жила она. Моя мать. Моя звезда, чей свет навсегда угас, оставив меня во мраке этого заточения.

Она отдала мне все, что у нее осталось: последние крохи, последние силы, последний вдох надежды. Даже тогда, когда голод уже вытянул из ее плоти жизнь, в ее глазах сияла любовь. Любовь, которую я так боялась не оправдать.

Без ее света, без ее голоса мне осталась лишь одна спутница. Пустота.

И как же горько... как же тихо... Как же голодно...

Из блокнота Бо

**Маяк. Спустя три дня после битвы на маяке
945 год правления Астрэля Фуркаго**

Темнота.

Глубокая, обволакивающая синева моря и пузырями воздуха возносящийся последний вздох.

Сначала борешься, машешь слабыми ручками-прутиками в надежде, что достанешь до уходящих все выше и выше лучей солнца.

Жизнь бьется птицей в легких, требуя глоток воздуха.

Быстрее. Быстрее! Быстрее же!

И ты открываешь рот, и ты выпускаешь холодные воды Арридтского моря, неожиданно раскаленными иглами пронзающие грудь, и уходишь безмолвно в цикл, в лапы богодракона Ваи...

Ты — ходящий по земле.

Бессчетное число раз я видел, как умирают те, кто осмелился зайти в море без дозволения моего народа. Как их безжалостно поглощают воды, не оставляя и жалкого кусочка.

Что был человек, что не было. Что было существо, что... Смерть приходила за каждым, прерывались жизни, сменялись правители, исчезали эпохи... И никто не расколол мое сердце. Что за дело мне до сухопутных, хвастающихся блеском чешуи?..

Драконы Рейна не успели защитить нас. Но Владыка вод не отрекся от меня — в момент нападения я оказался на корабле, сидел на искусно выполненной носовой фигуре, весело насвистывая и чистя кинжал. Я находил это по-своему забавным... Меренайт на меренайте, ха-ха...

Когда тень бесшумно спикировала на корабль, с треском ломая его, сминая, как игрушку, меня отбросило в море, где истинная сущность помогла выжить — отрос хвост, мышцы налились силой, вернулась быстрота реакций. А когда вторая тень стала нещадно разрывать тела, черные драконы Рейна поднялись из глубинных вод и бросились в битву.

Всех, кто оказался между ними, растерзали когти и зубы.

«Красавец» тонул и утягивал на дно барахтающихся на поверхности фарффлов. Крики, рев драконов, яростные взмахи крыльев...

Я отчаянно искал Бернарда и не находил. Подплывал то к одному, то к другому телу, зная, что скоро кровь привлечет морских хищников.

А потом я услышал предсмертную песнь сестры.

Защити... защити капитана...

Она верила, что я жив. И звала к маяку, тянула меня любовью к капитану, бесконечной, как океан, глубокой, как проклятая впадина. Вынырнув возле скалистого уступа, я едва успел пригнуться — разъяренный черный дракон набросился на меня.

Киса не понимал, кто друг, а кто враг. Полоснув меня когтями, зверь скрылся в море вместе с капитаном, истекающим кровью.

Песнь сестры оборвалась.

С трудом вскарабкавшись на камни, я заставил рыбий хвост утanutься, а костяные наросты — сгладиться. Попытался встать — и потерял сознание от боли.

Я завязал последний узел на волосах Джен и срезал прядь. Погребальное облачение готово, осталось только приманить чистильщиков. Они разорвут тело, и жизнь поглотит жизнь. Ах, эта гребаная жизнь!

— Закрыть портал — вот что нужно было сделать.

Я со злостью обернулся к Наставнику, еле сдерживая крик: рана до сих пор болела. Голубоватый огонь, покачивающийся над его головой, осветил наши лица. Старик отыскал меня на второй день. Приволок на маяк, подлечил, а потом преспокойно достал «Некромантов и драконов» и расставил фигуры.

И пока я не сыграл с ним партию, Наставник не отдавал мне портупею с кинжалами. Пока не зажали эти гребаные

раны от когтей, не затянулись, оставив три белеющие полосы поперек груди, он не выпускал меня.

— Вы знали.

— Да, знал.

— И ничего не сделали.

— И ничего не сделал, — бесстрастным эхом отозвался он.

Я судорожно вдохнул, пытаюсь остановить рвущиеся изнутри чувства. Буйные, как море в шторм. Дикие, как ветер, срывающий паруса.

«Месть, месть, месть!» — злобно кричал принц-меренайт, сын Веллинга III.

«Горе, горе, горе...» — скорбно выл моряк, семьсот лет ходивший под парусом «Красавца».

Ворчливый Бернард, которого было весело подначивать. Всегда по-глупому улыбающийся Бриан — сколько партий мы с ним сыграли в «Некромантов и драконов».

И моя суровая сестрица, отчаянно скрывающая влюбленность в капитана...

Они были моей семьей.

Я выхватил кинжал и вонзил его в землю. И еще раз. И еще. Почва была сухой и твердой, совсем не поддающейся. С шестым ударом кинжал наткнулся на камень и жалобно заскрежетал.

Бернард хотел бы остаться в земле. Он любил воду, уважал капитана, был хорошим корабельным мастером. Но пуще всего мой бормочущий друг мечтал о жилище из крепкого дерева, о саде, что разобьет собственными руками.

О земле, которая станет домом.

Редко, лишь украдкой мастер говорил мне об этом на кратковременных стоянках. «После, — всегда бормотал Бернард. — Только подсобим маленько капитану, а после...»

Когда кинжал разрыхлил землю, я отбросил его и принялся копать, долго, упорно, срывая ногти. Затем вновь

взялся за клинок. И так, пока яма не стала велика настолько, чтобы я мог улечься в нее и свободно шевелить руками, улечься и еще одного уложить.

Я его и уложил.

А затем присыпал землей да камнями. Огонь горел, всю ночь освещая мои руки, под утро пропитавшиеся сухостью Сожженных земель. Я смочил их своими слезами, лившимися и лившимися...

На плечи легла скорбь, прижимая меня к камням могилы. Грубым, обтесанным ветром и временем. Да примет Ваи в свои объятия Бернарда...

Пришел рассвет, и я встал. Не раздеваясь, доплыл до края скалы, на которой горел маяк. Неторопливо вскарабкался по лестнице, оставив дорожку мокрых следов. Подошел к возвышавшемуся в человеческий рост кусту и надломил стебель, на котором распустился навстречу солнцу пронзительно синий бутон. Синий, как глаза Бриана. Из стебля потек алый, густой, словно кровь, сок. Ветер вырвал цветок из моих пальцев, и я проводил его взглядом.

Затем взял на руки легкое тело сестры и подошел к краю вздымающегося над морем утеса. Ее лица уже коснулась тень смерти — без воды оно иссохло и потрескалось, как маска. Я шепнул слова молитвы, призывая богодракона отвести ее в цикл.

И бросил в море.

Воды сомкнулись...

Я постоял, приглаживая взглядом лениво плещущиеся волны. И внезапно поразился тому, насколько четко они вырисовываются там, далеко внизу.

Посмотрел на небо. Чистое, голубое небо, которого, по преданию, жители Сожженных земель не видели вот уже тысячу лет. Только капитан Рейн мог развеять этот